

Писатель, кандидат технических наук Сергей Залыгин выступил в пользу идеи о необходимости при мелиорации введения цены на воду («ЛГ», 2 октября 1985 г.). Ему возразил министр мелиорации и вод-

ного хозяйства СССР Н. Ф. Васильев («ЛГ», 18 декабря 1985 г.). Сегодня в спор вступает доктор экономических наук О. Р. Лацис, который пытается выявить и нравственную сторону вопроса.

ЩЕДРОСТЬ... НО ЗА ЧЕЙ СЧЕТ?

АА3-037

В 1924 году председатель Высшего Совета Народного Хозяйства СССР Ф. Э. Дзержинский писал одному из своих подчиненных — председателю треста «Грознефть»: «Пока я должен учиться — поэтому моя просьба к Вам помнить об этом и помочь мне в этом. Смотреть глазами своего аппарата — это гибель для руководителя. Моя просьба послать мне оценку этого центрального аппарата ВСНХ, как он Вам виден по своей работе, по Грознефти». Так помнил свои задачи руководитель крупнейшего «ведомства» того времени. Его слова пришли мне на память при чтении материалов развернувшейся дискуссии о цене воды.

О. ЛАЦИС,
доктор
экономических наук

В СПОРЕ с Сергеем Залыгиным министр Н. Ф. Васильев высказал верную мысль: фактически разговор идет не только о цене воды. Мне кажется, речь — об одной из самых важных проблем среди тех, которые поставлены на обсуждение в проектах документов XXVII съезда партии о применении ленинского принципа хозрасчета.

Ведь хозрасчет держится на сопоставлении затрат и результатов. На сопоставлении того, что уплатило предприятие за израсходованные им ресурсы, с тем, что оно выручило от продажи произведенной продукции или услуг. И здесь выбор между платностью или бесплатностью одного из самых массовых и ценных ресурсов, мы неизбежно — хотим или не хотим — делаем выбор между укреплением и ослаблением хозрасчета. Спор о цене воды дает возможность на ясной и наглядной жизненной «модели» рассмотреть эту непростую экономическую и социальную проблему: о платности ресурсов и хозрасчета.

КТО ЗАКАЗЫВАЕТ МУЗЫКУ

Может ли быть бесплатным для предприятия (колхоза, совхоза) ресурс, отнюдь не бесплатный для общества? Зачем это нужно? Кому это нужно?

Стоит так сформулировать вопросы — и станет ясно, что спор идет не о том, надо ли орошать. Спор о том, эффективно ли мы орошаем. Спор не о том, надо ли жалеть деньги на сельское хозяйство. Спор о том, помогают ли конкретные затраты поднимать сельское хозяйство.

Экономический расчет нужен, между прочим, для выбора вариантов решения задачи. Нам ведь не нужна оросительная вода сама по себе — нужна получаемая с ее помощью сельскохозяйственная продукция. Да и продукция эта не всегда служит конечной целью производства: Если речь идет о кормовых культурах (а им отдается все больше орошаемых земель), то конечным продуктом являются мясо и молоко. А для получения их можно использовать кукурузу и сою, овес и люцерну, горох и клевер, ячмень и кормовую свеклу и многое другое. Что избрать конкретному колхозу на конкретном поле? Надо считать, сколько потребуются в каждом варианте именно на этих почвах и в этом климате

земли и воды на производство необходимого количества кормовых единиц, сколько труда, сколько тракторов и бензина. Но если один из ресурсов считается бесплатным, то счет неверен.

А почему, собственно, именно воду надо делать бесплатной? С таким же успехом можно бесплатно строить теплицы, бесплатно давать для их отопления газ и мазут, тогда колхозы сочтут выгодным выращивать в наших северных краях ананасы, и какой-нибудь экономист докажет, что в даровом ананасе концентрируются все социальные завоевания. Смешно? Но ведь формула та же, что у товарища Васильева, только вместо воды и зерна проставлены мазут и ананасы.

Могут возразить: реальная стоимость воды известна, ее можно учесть в экономических расчетах и не взимая плату. Верно. Вопрос здесь опять-таки не в том, можно ли вообще учесть, а в том, кто будет учитывать. Кто платит, тот и учитывает, иначе в реальной хозяйственной жизни не получится. Поскольку предприятие (колхоз, совхоз) не платит, оно может учесть разве что формально, а на деле всегда постарается сэкономить платный ресурс за счет перерасхода бесплатного. Если платит государственной бюджет, то учитывает эту плату лишь государственный плановый орган, ведомство, которое потом и сообщает хозяйствам свои государственные соображения о том, что, по его расчетам, скажем, кукуруза выгодна, а клевер — нет. А тот, кто хозяйствует на земле, кто лучше всего знает возможности каждого поля, от кого больше всего зависит использование этих возможностей, — он от решения устранился. Он ведь не знает, почему вода. Кто платит, тот заказывает музыку.

Сейчас, когда главным делом для всего народного хозяйства стал переход к интенсивному экономическому росту, партия ставит задачу построить противозатратный экономический механизм. А товарищ Васильев отстаивает, в сущности, прозатратный механизм. С этой точки зрения интересно следующее его рассуждение:

«Потребительная стоимость воды в оросительной системе может быть выражена только через урожайность культур. Если это не учитывать и организовать такое платное водопользование, в котором управление эксплуатацией систем были бы материально заинтересованы только в том, чтобы подать больше воды... а водополь-

зователи — чтобы использовать меньше воды... то очевидно, что при этом может существенно пострадать продуктивность орошаемых земель».

Не случаен упор на потребительную стоимость. А почему же о стоимости не хочет вспомнить министр? По Марксу, одно от другого отдельно не существует. Та схема отношения, которую он здесь изображает невозможной, — это и есть нормальная общепринятая схема. И предприятия, организации самого Минводхоза строят отношения со своими поставщиками именно по отвергнутой в письме министра схеме. Не получают же они бесплатно, скажем, горючее для своих землеройных машин. Платят за все и учитываются: столько затратили, столько построили. Результаты должны быть больше затрат — такой закон хозрасчета. Контроль над затратами предприятий Минводхоза такой же, как у всех. А вот контроль над результатами не такой, он гораздо слабее именно благодаря бесплатности воды. Отсюда понятно, зачем нужна ведомству эта бесплатность.

Бесплатность служит сохранению самого поразительного парадокса в деятельности ведомств, возглавляемого Н. Ф. Васильевым: то, что для народного хозяйства, для общества является затратой (расход воды), в его работе рассматривается только как результат. Минводхоз до самого последнего времени был укоренен в нашем народном хозяйстве системой: сам проектировал оросительные сооружения, сам вел экспертизу проектов, сам строил, сам у себя принимая построенные объекты. Не отсюда ли стойкая привычка многих специалистов отрасли прислушиваться только к ведомственным мнениям, столь ярко проявляющаяся в спорах о конкретных водохозяйственных объектах? Несомненно, именно такой порядок стал одной из главных причин поразительного факта, отмеченного октябрьским (1984 г.) пленумом ЦК КПСС: две трети миллионированных земель не дают проектной урожайности. Можно ли спокойно пропустить мимо таких фактов? Две трети — это не случай, а правило, у него должны быть экономические корни.

Пришла пора найти эти корни и сделать выводы. Недвигим постановлением о создании Госэкспрома из ведения Минводхоза изъять экспертизу проектов и приемку в эксплуатацию готовых объектов. Бесконтрольность ведомств уже не будет такой безграничной, как прежде. Но для

ее сторонников еще не все потеряно, пока вода бесплатна для потребителей. И экспертную, и приемочную комиссии можно уломать — это теперь знают все, об этом уже и пьесы поставлены. Гораздо труднее было бы уломать колхоз, которому предостояло бы пользоваться не слишком доброкачественной или просто ненужной, по его мнению, оросительной системой. Но сейчас он не слишком настойчив, да и не требует особенно его слушать. Какое право он имеет смотреть в зубы дареному коню?

На очень чуждых людей рассчитано предложение: будет бесплатность воды есть социальное завоевание и на ней держатся низкие розничные цены на продовольствие. Цены ниже себестоимости продовольствия держатся не на бесплатности воды, а на дотациях к закупочным ценам из государственного бюджета — из того самого бюджета, который оплачивает и бесплатность воды, и нашу зарплату, и строительство жилья, школ, больниц, детских садов. Для определения розничных цен безразлично: доберутся ли бюджетные ассигнования до кассы колхоза и совхоза через дотации к закупочным ценам, или через затраты государства на бесплатное водоснабжение.

Для определения розничных цен это все равно. Для стимулирования эффективного производства — далеко не все равно.

Представим себе, что те же средства, расходуемые на орошение, попадают в руки организации Минаводхоза из другого источника; не нагрянувши из ассигнований государственного бюджета Минаводхозу, а от колхозов и совхозов — в виде платы за строительство водохозяйственных сооружений и за воду. В этом случае потребуются предоставить колхозам и совхозам необходимые денежные средства — скорее всего, путем повышения закупочных цен на их продукцию. Если при этом мы не захотим трогать розничные цены, то потребуются увеличить государственную дотацию к закупочным ценам. Государственный бюджет выделит больше средств закупочным организациям, но ровно на такую же сумму меньше ассигнований он предоставит Минаводхозу, который теперь сам сможет «зарабатывать на жизнь», получая плату от колхозов и совхозов. Государственный бюджет поначалу ничего не потеряет, а со временем кое-что и приобретет, потому что те же деньги, пройдя другим путем, будут израсходованы экономнее.

вать подрядчиков. Так что защитники бесплатности воды стоят не на страже социальных завоеваний нашего общества, а на страже власти ведомства, его права оставаться вне экономического контроля со стороны потребителей.

Вспомним слова из проекта новой редакции Программы партии: «Будет... усиливаться воздействие потребителя на технический уровень и качество продукции».

Это в полной мере относится и к строительной, и к водохозяйственной продукции. Но потребителя не вышестоящая инстанция. Средство воздействия на поставщика, на подрядчика у него одно: я плачу свои деньги, я ими распоряжаюсь и за плохую работу платить не стану. При бесплатности такой контроль невозможен — остается лишь административное воздействие. Но никакая инстанция не оценит качество мелиорации так, как сам землепользователь. Да и целесообразность проекта лучше него никто не определит и выбор вариантов лучше не сделает.

Важный аргумент — опыт прошлого. Товарищ Васильев ссылается на него — правда, на мой взгляд, не очень удачно. Указав, что платность воды применялась, он лишает кино то экономическим и техническим результатам желаемый эффект не был достигнут, и плата была отменена». Если судить по экономическим и техническим результатам бесплатности, то ее надо отменить немедленно; выше сказано о печальных итогах освоения мелиорированных земель, а уж о бесчисленных ошибках мелиораторов лучше не начинать разговор...

И все-таки: почему не дали наглядных результатов платность в тридцатых и пятидесятых годах? Да потому, что бесполезно встраивать отдельную хозрасчетную меру в нехозрасчетный в целом механизм. Никакой конструктор не мог бы высказаться ни «за», ни «против» даже самого совершенного реактивного двигателя, пока ему не скажут, в какую систему хотят его ставить. Если в современный самолет — хорошо. Но если предлагают впрямь в танк — лучше не надо, зря сломаем транспортное средство. Экономическая система, как и техническая, требует целостности построения. Когда хозрасчет предприятий был формальным, когда оплата труда коллектива от хозрасчетных результатов деятельности не зависела, тогда и платность ресурсов была фикцией или почти фикцией.

Выходит, всё дело в том, какая цель стоит за начатой дискуссией, какой вопрос мы в конечном счете хотим выяснить. Как сохранить старый экономический механизм, доказавший свою несостоятельность в современных условиях, или как построить новый, основные черты которого определены проектами документов XXVII съезда партии? В старом механизме платность воды могла бы принести лишь ограниченную пользу. В новом она совершенно необходима, незаменима в своей экономической роли и даст большой эффект.

БЕСПЛАТНОСТЬ РАЗВРАЩАЕТ

Бесплатность развращает того, кто ею пользуется. Тут С. Залыгин выбрал слово очень точно: именно развращает. Я десятки раз убеждался в этом наблюдая, как используют на овощных базах Москвы бесплатность для этих раз труд сотрудников нашего института. Думаю, проблема работы горожан в колхозе или на овощной базе в девяти случаях из десяти исчезла бы, если бы те, кто использует этот труд, полностью возмещали затраты заводу, институту за счет своих хозрасчетных результатов, своего фонда зарплаты.

Искажение принципов хозрасчета, ограничение экономических отношений, компенсированное административной ведомственной активностью, порождают удивительные феномены, правовые и моральные.

Узаконенная бесплатность ведет к тому, что закон не замечает вполне реальных гигантских растрат, совершаемых на глазах у всех. Попробуй украсть несколько тысяч рублей — худо будет. Попробуй неверно спроектировать дом ценой в десятки или сотни тысяч рублей — когда он развалится, виновника будут судить. Но осуществляются же природопреобразующие проекты ценой в десятки миллионов рублей, за исправление последствий которых (если их можно исправить) приходится платить сотни миллионов.

Подумать только: Англия с Францией, две великие и богатые державы, второе столетие обсуждают стройку всевропейского значения: тоннель под Ла-Маншем. Никак не решаются сделать выбор: дорого. А в Армении тоннель примерно такой же длины, Арпа—Севан, чуть не полсотни километров скалы в горах, пришлось пробить спешно. Про героизм его строителей много и справедливо писали. Про то, что для спасения бесценного Севана и этого оказалось недостаточно, мы тоже знаем. А вот сколько стоил тоннель? Во сколько раз дороже тех выгод, которые обещаны были при сбросе вод Севана? И сколько еще затратим, пока совадаем с бедой, которую сами накликали? Может быть, тогда еще опыта было мало и за первые ошибки слишком строго судить не следует? Предположим А Кара-Богаз-Гол? И опыт ошибок уже был: увл, обширен, и все случилось совсем недавно, и все последствия были специалистами предсказаны. Если не за изуродованную природу, то хоть за точно известную стоимость строительства вздорной перемычки кто ответил? Не знаю, не читал. Восторженные интервью перед началом строительства о том, как все это будет хорошо, читал в изобилии. А кто ответил, когда все оказалось совсем нехорошо, — сообщений не встречал.

Рождаются все новые проекты, бесстрашные авторы которых видят лишь близкую славу преобразователей и ничуть не боятся последующей репутации разорителев.



Р. С. Не могу отделаться от личного воспоминания. Стучилось так, что на протяжении четверти века работы публициста, пишущего об экономике, я сравнительно много писал о Белгородской области. Хорошо помню шестидесятые годы, когда на Белгородщине было смело начато совершенно неизвестное в то время дело: межхозяйственная кооперация в животноводстве. Решительно, не опасаясь неизбежного в новом деле риска, поддерживал его первый секретарь обкома партии Н. Ф. Васильев. Мои друзья, публицисты-деревенщики, возвращались из командировок под глубоким впечатлением бесед с ним — в том числе и о новых экономических отношениях между колхозами, о проблемах оплаты за передаваемые ими друг другу ценности. С трибуны XXIII съезда партии в 1966 году Н. Ф. Васильев интересно и убедительно говорил о преимуществах колхозов именно как организаций хозрасчетных и об их суверенном праве сделать промышленности заказ на все, что им требуется.

Тогда, по горячим следам мартовского (1965 г.) пленума ЦК КПСС, затраты четко воспринимались как затраты, результаты — как результаты. Не произошло ли за прошедшие двадцать лет в сознании некоторых работников некой подвижки: возникло стремление к грандиозности свершений любой ценой, даже если грандиозны не столько результаты, сколько затраты?

РЕАКТИВНЫЙ ДВИГАТЕЛЬ И ТАРАНТАС

Ведь нам, к примеру, не все равно, по какому пути идет вода из водохранилища: через турбины, давая электроэнергию (с пользой), или просто сбрасывается через водослив (бесполезно), или валит через гребень земляной плотины, размывая ее (с ущербом). Так и денежный поток может делать полезную работу, может — вредную, может — никакую. В данном случае, пустив деньги по другому каналу, мы заставим рубль делать полезную работу вместо вредной, заставим укреплять трудную мораль, а не размывать ее. На месте главного действия, где конкретное управление мелиорации встречается с конкретным колхозом или совхозом, деньги сменят своего хозяина: распределяться ими будет не Минаводхоз, а колхоз, совхоз. Мелиораторы не сами себя будут платить, а станут в большей мере зависеть от оценки их услуг потребителем. Колхоз не даст денег на зряшний проект и не промедлит с освоением построенного, коли свои деньги планены. А уж за качеством мелиоративных работ проследит постройке.

Понятно, перспектива повышения требовательности заказчиков не должна радо-